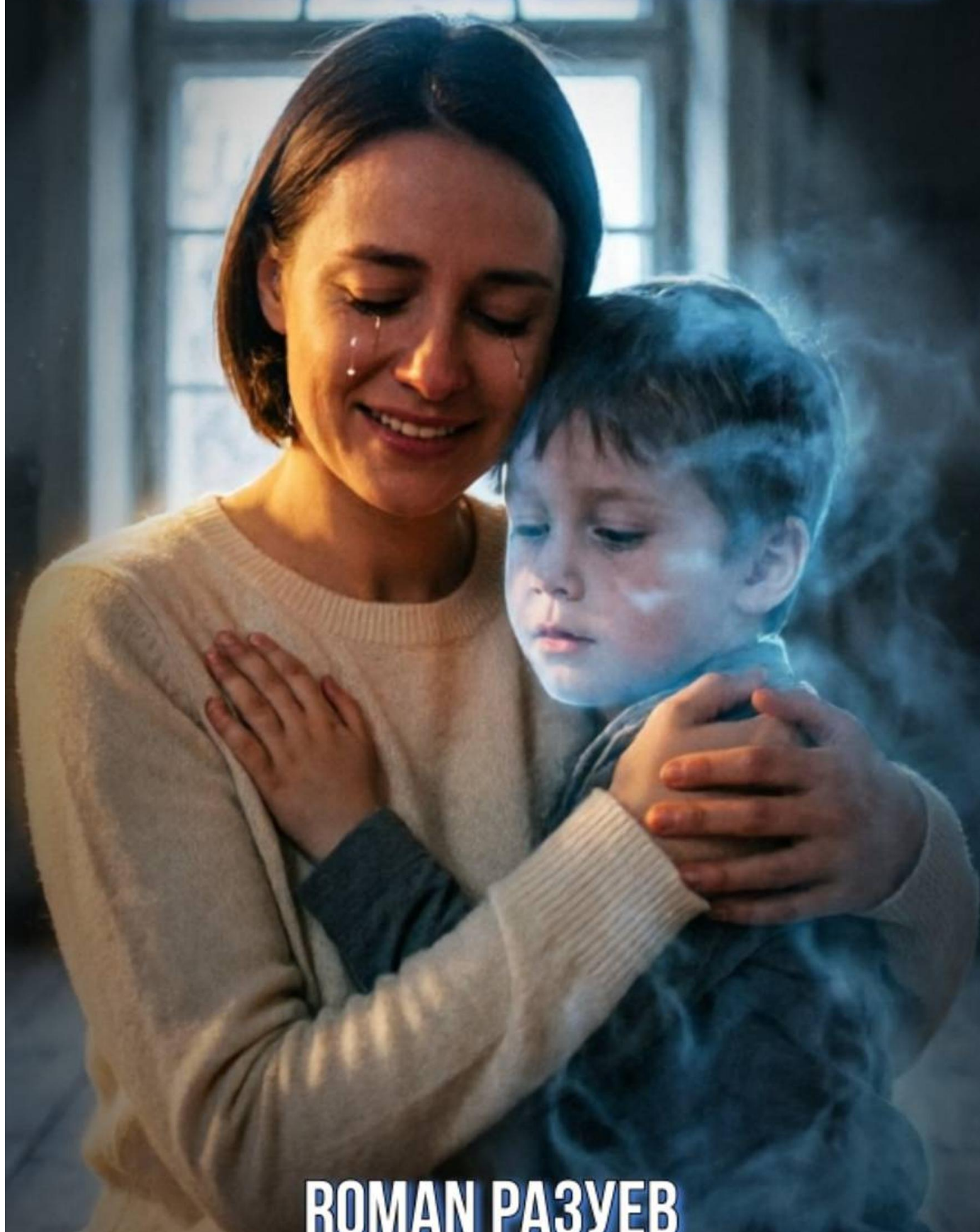

НЕПРИКАЯННЫЕ

ROMAN RAZUEV

RoMan Разуев

Неприкаянные

«Автор»

2026

Разуев Р.

Неприкаянные / Р. Разуев — «Автор», 2026

Некоторые объятия не заканчиваются даже со смертью. «Неприкаянные» — новые истории о тех, кто не смог уйти, и о тех, кто их ждёт. Здесь нежность граничит с ужасом: мать, которая заслоняет ребёнка даже с того света, няня, вернувшаяся попрощаться, — и мертвецы, на шаги которых лучше не выглядывать в окно. Откройте книгу. Они уже здесь. Некоторых вы будете бояться. Некоторых — полюбите всем сердцем.

© Разуев Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тебе ещё рано, мам!	5
Дочь шахтёра желает отомстить	9
Покойный папа пришёл защитить дочь	12
Х	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

RoMan Разуев

Неприкаянные

Тебе ещё рано, мам!

Злата не слышала священника. Она смотрела на маленький гроб, обитый белым шёлком, и внутри её души было тихо-тихо, как в перегоревшей лампе. Андрей стоял рядом, прямой, будто арматура, и молчал. Он не плакал. Ему казалось, если он заплачет, то уже не остановится, рассыплется в пыль прямо здесь, у могилы.

Артёму было десять. Он умер не в страшной катастрофе и не от чужой жестокости — его забрал менингит, стремительный, как сквозняк, задувший свечу. Три дня температуры, которую сбивали врачи... А потом — тишина. Детское сердечко, не выдержавшее токсинов, просто остановилось под утро, когда Злата на пять минут вышла в больничный коридор выпить воды. Эти пять минут растянулись для неё в вечность, а для Андрея стали поводом, который он, пока что, глубоко скрывал, словно осколок под кожей.

Первая неделя после похорон превратила их квартиру в склеп. Злата почти не выходила из комнаты сына. Она сворачивалась клубочком на его кровати, прижимала к лицу подушку, которая ещё пахла детским шампунем и мятными леденцами, и беззвучно плакала. Ночи напролёт она перебирала его рисунки, машинки, книжку с закладкой на двенадцатой странице — «Малыш и Карлсон», он так и не дочитал. Она разговаривала с пустотой, гладила невидимые волосы.

Андрей пил. Сначала пиво по вечерам, потом что-то покрепче, потом всё подряд. Он не мог находиться в детской — от одного взгляда на игрушки у него сводило скулы. Он сидел на кухне, сжимая стакан до побелевших пальцев, и алкоголь развязывал в нём то, о чём трезвый даже бы не подумал.

На седьмой день траура взрыв всё-таки случился.

Андрей вошёл в детскую, покачиваясь. Злата сидела на полу, прижав к груди плюшевого зайца с оторванным ухом. Андрей с минуту смотрел на неё, и лицо его кривилось, будто от боли.

— Насмотрелась? Наплакалась? — Голос его прозвучал хрипло. — Это ты виновата. Ты не досмотрела. Ты вышла тогда из палаты, вышла, слышишь? Он звал тебя, а тебя не было!

Злата подняла на него опухшие глаза.

— Андрей, я выходила на минуту... Врачи сказали, что...

— Что врачи?! — Он ударил кулаком по дверному косяку. — Ты мать! Ты должна была быть рядом! Ты его бросила!

Она не оправдывалась — сил не было. Она только еле слышно ответила:

— Я его не бросала. Я его люблю больше жизни.

Но Андрей уже не слышал. В его затуманенном мозгу слова жены превращались в оправдания виновной. Он подошел к ней, схватил за плечо и резко дернул вверх, поднимая на ноги. Злата вскрикнула от боли.

— Хватит! — крикнула она, пытаясь высвободиться.

Тогда он ударил её по лицу. Она отшатнулась, стукнулась спиной о детскую кровать. Андрей замер на секунду, глядя на свою руку с ужасом, но ярость тут же заглушила этот проблеск. Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что с полки посыпались книжки.

Злата осталась одна.

Она легла на кровать сына, уткнулась в подушку и зарыдала — теперь уже в голос, страшно, по-звериному. Слёзы жгли, и с каждым всхлипом из неё словно вынимали по кусочку души. Она шептала имя Артёмки, просила прощения, говорила, что скоро придёт к нему.

Ей казалось, что подушка ещё хранит тепло его затылка. Плечи тряслись, в груди разрасталась такая пустота, что дышать становилось почти невозможно. Она закрыла глаза и представила, как сын обнимает её худыми ручками, как шепчет:

«Мам, не плачь, я тут».

От этого становилось ещё больше и одновременно чуть легче. Она не знала, сколько так пролежала — минуту или час. Время превратилось в вязкую смолу.

А потом входная дверь снова хлопнула. Злата поднялась и села на кровать.

Андрей вошёл в комнату с молотком в руке.

— Ты заплатишь за него, — произнёс Андрей. — Ты не имеешь права жить, когда его нет.

Он шагнул к ней. Злата закричала и вжалась в изголовье, заслоня лицо руками. Удар пришёлся по голове, и Злата упала на пол. Андрей замахнулся снова. Комната поплыла, углы смазались, и в голове Златы осталась только одна мысль: «Сейчас я увижу Артёма».

Но удара не последовало.

Воздух в комнате внезапно уплотнился, став тяжелым и густым. В углах за клубился холод, а от окна потянуло ледяным дыханием, хотя за окнами был май. Андрей застыл с молотком в занесённой руке, потому что между ним и лежащей на полу Златой появился Артём.

Мальчик стоял босиком, в той самой пижаме с динозаврами, в которой его увезли в больницу. Только теперь пижама была измятой, словно вынутой из-под земли, а кожа — слишком белой, как первый снег. Под глазами залегли глубокие чёрные тени, делавшие его взгляд взрослым, древним. От него исходил нездешний покой, смешанный с такой тоской, что у Андрея подкосились колени.

Мальчик смотрел на отца в упор. В его прозрачных глазах не было слёз — только суровое, недетское осуждение.

— Я никогда тебя не прошу, — прошептал Артём. — Ты ударил маму. Ты хотел её убить. Уходи.

Андрей разжал пальцы, и молоток со звоном упал. Он рухнул на колени, чувствуя, как хмель мгновенно улетучился, оставив лишь животный ужас. Его взгляд был прикован к сыну, а тело сотрясала дрожь.

— Артёмка... сыночек... прости... — губы его тряслись, по лицу текли слёзы. — Я не хотел... Прости меня!

Но мальчик больше не глядел на него. Он повернулся к матери.

Злата лежала на боку. Из раны на голове по виску стекала тёмная струйка крови, впитываясь в пушистый ворс ковра. Но она не чувствовала боли. Краем гаснущего сознания она увидела сына и улыбнулась. Улыбка получилась лёгкой, почти счастливой. Она протянула к нему руку, и её пальцы на мгновение коснулись холодного, как родниковая вода, детского запястья.

— Я иду к тебе, — прошептала она.

И её душа, уставшая от земного горя, скользнула из тела легко, словно платье с плеч.

Она встала рядом с сыном. Обняла его, зарылась лицом в волосы. Артём обхватил её руками, прижался крепко-крепко.

— Мамочка, — выдохнул он, и голос его дрогнул.

Они стояли так несколько мгновений, заполненных той самой любовью, что не имеет конца. Но потом мальчик мягко отстранился и заглянул ей в глаза.

— Тебе ещё рано, мам. Ты должна вернуться.

Злата покачала головой, не желая отпускать, но сын улыбнулся, и в этой улыбке было что-то мудрое, нездешнее.

— Послушай, — сказал он. — Там ещё будет для тебя хорошее. Обещаю.

В тот же миг в дверь забарабанили. Громко, требовательно.

«Откройте! Полиция!» — донеслось с лестничной клетки. Соседи, услышав крики и грохот, вызвали наряд.

Андрей, всё ещё стоящий на коленях, будто в тумане поднялся и, шатаясь, побрёл в прихожую. Он открыл замок. Двое полицейских в форме ворвались в квартиру. Увидев на полу женщину в крови, один из них бросился к ней, на ходу вызывая скорую, а второй скрутил Андрея.

Злата, которая уже почти переступила черту, ощутила резкий рывок назад — словно какая-то сила дёрнула её за солнечное сплетение. Последнее, что она видела, был силуэт сына, медленно тающий в сгущающихся сумерках комнаты. А потом — темнота, сирена, чужие руки, кислородная маска на лице.

Она очнулась в больнице через три дня.

Палата была одноместной, светлой, с большим окном. На тумбочке стояли цветы — от коллег по работе, от подруг. Злата смотрела на белый потолок и не чувствовала тела. Врачи сказали, что её чудом удалось спасти.

Андрею предъявили обвинение в покушении на убийство. Он признал вину.

Злата не плакала. Слёзы кончились. Она просто лежала и смотрела в пустоту, перебирая в памяти то удивительное, что случилось на грани. Она точно знала: это не было галлюцинацией от удара. Сын приходил к ней. Он спас её. И он сказал, что её ждёт что-то хорошее. Только она не верила. Какое хорошее может быть после всего?

Через неделю в дверь палаты тихо постучали. Злата машинально ответила:

«Войдите».

Дверь отворилась не сразу. Сначала в щель просунулась детская ладошка, потом — вихрастая макушка. В палату шагнул мальчик.

Он был примерно того же возраста, что и Артём. Тоненький, светловолосый, с чуть вздёрнутым носом и россыпью веснушек. Злата замерла, не в силах вдохнуть, потому что сердце пропустило удар и рухнуло куда-то вниз. В этом мальчике было что-то до боли знакомое — не внешность, нет, а что-то в повороте головы, в манере смотреть исподлобья. Он встретился с ней взглядом и улыбнулся.

— Здравствуйте, — сказал он негромко, но без робости. — Меня зовут Данила. Можно мне войти?

Злата кивнула. Мальчик подошёл к самой кровати, внимательно разглядывая её, будто проверяя что-то важное. Потом наклонился и очень серьёзно спросил:

— А вы станете моей мамой?

Она замерла. Слова застряли в горле. Откуда? Почему?.. Но губы уже дрогнули, и из глаз внезапно хлынули слёзы — горячие, обильные, но совсем другие: очищающие, живые.

— Да, — выдохнула она, даже не понимая до конца, что говорит, и протянула к нему руки. — Да, стану.

Мальчик шагнул в объятия, и в этот момент в палату вошёл мужчина. Высокий, с лёгкой сединой на висках и тёплыми карими глазами, в которых читалось смущение.

— Простите нас, ради бога, — заговорил он торопливо. — Меня зовут Сергей. Это мой сын Данила. Мы лежим этажом ниже, у него аппендицит удаляли. Он увидел вас вчера в коридоре и потом сказал мне:

«Пап, эта тётя будет моей мамой».

Я сначала не придавал значения, детская фантазия, но сегодня он сбежал из палаты и пришёл сюда. Вы не подумайте, мы не сумасшедшие...

Злата смотрела на него, всё ещё прижимая к себе мальчика, и чувствовала, как внутри разжимается невидимая пружина.

— Ничего, — ответила она севшим голосом. — Я не против. Честное слово.

Сергей замялся у двери, потом неуверенно подошёл и присел на край стула для посетителей. Разговор завязался сам собой — осторожный, как ходьба по тонкому льду.

Злата рассказала о своей потере, о том, что случилось с мужем. Сергей, поколебавшись, поделился своей историей. Год назад его жена погибла в автокатастрофе. С тех пор они с сыном живут вдвоем и пытаются справиться с горем, но это даётся им нелегко. Сын замкнулся, почти перестал улыбаться, а тут вдруг такая внезапная симпатия к незнакомой женщине.

— Он у меня вообще-то недоверчивый, — тихо добавил Сергей. — А вас сразу признал. Даже не знаю, как это объяснить.

Злата погладила Данилу по голове, и тот прильнул к ней, совсем как когда-то Артём. В этом жесте было столько простого, детского голода по материнской ласке, что у неё опять защипало в носу.

Она подняла взгляд на Сергея и вдруг увидела не просто уставшего мужчину с печальными глазами, а чью-то потерянную половину, такую же израненную, как она сама. И подумала: может быть, именно это имел в виду Артём там, на границе миров? Может быть, хорошее — это не награда за страдания, а возможность начать заново, не предавая прошлого, но давая место будущему?

Данила тем временем достал из кармана больничной пижамы маленький рисунок — кривоватый, но старательно раскрашенный: домик с трубой, солнце с лучиками и три фигурки, держащиеся за руки. Под рисунком корявым детским почерком было выведено: «МАМА, ПАПА, Я».

— Это я нарисовал, — пояснил мальчик. — Это будет наш дом.

Злата посмотрела на рисунок, потом на Сергея. Тот пожал плечами, словно извиняясь, но в глазах его светилась робкая, ещё не осознанная надежда.

И тогда Злата улыбнулась. По-настоящему — впервые за долгие, страшные недели.

Она не знала, что будет дальше и как сложатся их судьбы. Жизнь, такая жестокая и нелепая, внезапно подмигнула ей, как старый друг, который долго шутил мрачно, но теперь решил остановиться. За больничным окном ветер разогнал тучи, и в палату проник солнечный свет.

Дочь шахтёра желает отомстить

Заброшенная шахта за городом была местом, о котором шептались даже те, кто не верил в приметы. Егор часто слышал эту историю: как несколько лет назад там случилась беда, как земля вздрогнула и плюнула в небо угольной пылью, похоронив заживо целую смену. Власти тогда говорили о «нарушении техники безопасности» и «сложных горно-геологических условиях». Сетку вокруг входа натянули уже на следующий день после того, как схлынули толпы журналистов.

— Ну чего ты трясешься? — Егор толкнул плечом Оксану, поправляя на плече лямку рюкзака. — Идеальный контент для моего канала.

Оксана молчала. Ее лицо в свете луны казалось бледным, почти фарфоровым. Егор списал это на страх. Он вообще мало что замечал в Оксане, кроме того, как она смотрела на него. Она была тихой, покладистой и, как ему казалось, благодарной за то, что он, сын городского чиновника, обратил на нее внимание.

— Сетка совсем хлипкая, — хмыкнул он, дергая прохудившуюся ограду. — Ну и бардак у них. Столько лет прошло, а они даже нормально закрыть не соизволили.

Он без труда сделал надрез старыми кусачками, которые прихватил из дома, и отогнул край сетки, пропуская девушку вперед.

Внутри было холодно и сыро. Воздух, казалось, застыл сотни лет назад. Луч фонарика выхватывал из темноты крепления на стенах, породу, кое-где покрытую странным, серебристым налетом. Егор шел первым, водя телефоном по сторонам и комментируя вполголоса:

— Мы внутри. Как видите, коридор уходит вниз. Полная тишина. Слышите? Тут даже эхо какое-то ватное, будто звук вязнет в этой пыли.

— Егор, пойдем назад, — впервые подала голос Оксана. Голос ее звучал глухо.

— Да брось ты! Мы только вошли. Самые интересные кадры будут в глубине.

Он не слушал ее. Он чувствовал себя режиссером, смелым исследователем. Они прошли мимо остатков сломанной вагонетки, перешагнули через рассыпавшиеся деревянные стойки. Стены становились все более влажными, с них сочилась вода, собираясь в черные, как нефть, лужи на полу. Воздух давил на уши. Где-то глубоко под ногами родился едва слышный гул — то ли ветер играл в вентиляции, то ли сама земля стонала во сне.

Внезапно Егор остановился. Ему показалось, или он действительно что-то услышал? Он жестом приказал Оксане замереть и прислушался.

Сквозь гул собственной крови в ушах пробился звук. Тихий, монотонный. Словно кто-то читал молитву или жалобно пел.

— Слышишь? — спросил он.

Оксана кивнула, вцепившись в его руку.

Звук доносился из-за поворота в конце штрека.

— Там кто-то есть, — прошептал он, и вопреки здравому смыслу, в нем проснулось не желание бежать, а дикое, парализующее любопытство. — Надо проверить. Вдруг какой-нибудь бомж ночует?

Они двинулись вперед. С каждым шагом «пение» становилось громче, обретая очертания множества голосов, шепчущих, плачущих, зовущих.

Егор резко свернул за угол, осветив пустоту фонарем.

Никого.

Это был тупик. Голые стены, груда осыпавшейся породы. И тишина. Такая звонкая, что заложило уши.

— Здесь никого нет, — выдохнул Егор, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Ладно, показалось. Пошли...

Он не договорил.

Стена справа от него шевельнулась.

Сначала ему показалось, что это просто осыпается порода. Но затем из грубой каменной поверхности начало проступать нечто. Словно кто-то пытался прорваться сквозь толщу земли изнутри. Сначала проступили пальцы — скрюченные, черные от угольной пыли, с обломанными ногтями. Они царапали камень, расширяя трещину. Потом из стены, чавкая и хрустя, выдавилось лицо.

Оно было не человеческим. Вернее, оно было человеческим, но искаженным до неузнаваемости мукой. Рот беззвучно кричал, глаза, залитые тьмой, смотрели прямо на Егора. Лицо тянулось к нему, моля о помощи или проклиная.

— Что это? — заорала Оксана.

Егор отшатнулся, выронив телефон. Луч света заметался по стенам, и теперь он видел всё. Стены кишели ими. Руки, головы, целые фигуры людей в изорванных робах проступали сквозь камень, словно он был не твердой породой, а мутной водой. Они тянули к ним свои руки. Из пола, из потолка — отовсюду.

— Бежим! — заорал Егор, хватая Оксану за руку.

Они рванули назад. Мимо них проплывали призрачные лица, в уши бил не слышимый, но ощущаемый всем телом крик. Воздух стал вязким, как смола. Егор бежал, спотыкаясь, не чувствуя ног. Руки хватали его за куртку, за волосы, ледяные пальцы скользили по шее. Он вырывался, слыша, как трещит ткань.

Позади раздался глухой удар и отчаянный, полный животного ужаса визг Оксаны.

— Егор! Помоги! Егор!

Он обернулся на долю секунды. Оксана лежала на земле, а из земли вокруг нее уже поднимались руки, вцепляясь в ее одежду, в ноги, затагивая вниз.

Ужас захлестнул его разум. Он не думал. Он хотел жить.

Егор отвернулся и побежал быстрее. Крик Оксаны оборвался так резко, будто его отрезали ножом.

Он бежал, спотыкался, падал, а затем быстро поднимался и снова бежал, не чувствуя боли. Впереди забрезжил слабый свет — выход, луна, жизнь! Он почти у цели, еще немного!

До выхода оставались считанные метры, когда он резко остановился. Прямо перед ним, заслоняя спасительный проем в сетке, стояла Оксана.

Она была не одна. Позади нее, в полумраке, угадывались безмолвные фигуры.

Но он смотрел на неё. Голова Оксаны была неестественно прижата к левому плечу, почти касаясь его ухом. Ее лицо было белым, как мел, а в правой руке, опущенной вдоль тела, она сжимала проржавевшую, но все еще грозную кирку.

Она улыбалась. Это была не та робкая улыбка, которой она встречала его у школы. Это был оскал, полный древней, нечеловеческой злобы.

Она открыла рот, и оттуда вырвался не крик даже, а вой — смесь голоса девушки и гула тысячи голосов из глубины шахты. Она замахнулась киркой.

— Оксана, нет! — только и успел выкрикнуть Егор.

Раздался мокрый, тяжелый звук. И тишина. Та самая ватная, давящая тишина, которая парила в недрах.

Через несколько минут из проема в ржавой сетке вышла девушка. Она отряхнула джинсы от угольной пыли, поправила волосы. Ее голова теперь сидела ровно, а на лице застыла спокойная, умиротворенная улыбка. Она посмотрела на свои ладони, словно видела их впервые, затем развернулась и не спеша пошла по дороге в сторону спящего города.

Она шла домой, продумывая как разрушит жизни всех, кто отвернулся от шахтеров. От её отца.

Смерть шахтеров не была громкой. Она была тихой и пыльной. Сначала сбой оборудования, на котором сэкономили. Потом запоздавшая команда на эвакуацию. А потом — многометровая толща породы, отделившая живых от солнца. Никто не сел в тюрьму. Виновных не нашли. Все списали на роковое стечение обстоятельств.

Но в тот день, когда гроб без тела её отца, которое так и не смогли извлечь, опускали в землю, Оксана дала себе слово. Она выросла с этой мыслью, с этим холодом в груди. Она не верила в мистику, пока не начала слышать шепот. Шепот отца, зовущий её. Он говорил, что они ждут. Что они все там, и что справедливость можно восстановить только по ту сторону.

Она не знала, что найдет в шахте. Но она знала, кого приведет туда.

Егор, сын человека, подписавшего приказ, был лишь первым. Тем, чью душу она скормила умершим, но навсегда оставшимся в шахте шахтерам.

Оксана шла и улыбалась. Ведь теперь она была не одна. Гул пустоты навсегда поселился в ее груди, и он подсказывал ей, кого она должна привести в шахту, чтобы виновные познали боль утраты близкого человека.

Покойный папа пришёл защитить дочь

Знакомство в продуктовом магазине — это, наверное, самая заезженная история в мире. Но когда Вика в пятницу вечером выбирала между дорогим сыром с плесенью и обычным твердым, она думала совсем не о мужчинах. День выдался тяжелый, начальник накричал из-за отчета, и единственным утешением должна была стать бутылка итальянского вина и этот самый сыр.

Она уже почти положила руку на «Пармезан», как вдруг чья-то рука потянулась к такому же кусочку. Их пальцы почти соприкоснулись.

— О, простите! — раздался приятный бархатистый голос. — Берите.

Вика подняла глаза и... улыбнулась. Перед ней стоял высокий шатен с идеальной осанкой и легкой щетиной, которая делала его похожим на актера из старых голливудских фильмов. Одет он был в джинсы и темно-синий свитер крупной вязки. От него пахло хорошим парфюмом, чем-то древесным и свежим.

— Да нет, что вы, — смутилась Вика. — Я еще не решила.

— Тогда, вы можете мне помочь? — он обаятельно улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами. — Подскажите, какое вино лучше к этому сыру?

Он говорил легко, уверенно, но не навязчиво.

Его звали Вадим. Он рассказал, что у него небольшая строительная фирма, «свой маленький бизнес», как он выразился. Пока они шли до кассы, он успел рассмешить ее историей о том, как нанял рабочих, которые вместо ремонта устроили в квартире турнир по домино.

— Пришлось самому все переделывать, — развел он руками. — Зато теперь я и плитку класть умею, и розетки подключать. Так что если у вас дома что-то сломается — звоните, примчусь.

Это было сказано вроде бы в шутку, но с таким искренним теплом, что у Вики защемило сердце. Ей двадцать четыре, она живет одна в двушке, доставшейся от родителей, и этот «квартирный вопрос» всегда висел над ней грузом. Мама ушла, когда Вика была совсем крохой, а папа... Папы не стало пять лет назад. Онкология сожрала его за полгода. Вика до сих пор не могла спокойно смотреть на его фотографии. Особенно на ту, где он, молодой и сильный, держит её на руках.

Поэтому, когда они уже выходили из магазина, Вика решилась.

— Вадим, — окликнула она его. — Запиши мой номер. А то вдруг тебе понадобится консультация по сыру? — улыбнулась она.

Их первое свидание было в субботу. Дорогой ресторан с видом на набережную, легкое вино, разговоры обо всем на свете. Вадим оказался не только красивым, но и умным. Он слушал, задавал вопросы, запоминал мелочи. Сказал, что у нее глаза цвета моря, и когда она смеется, кажется, что в зале становится светлее.

Второе свидание — через неделю. Снова уютный вечер. Вика поймала себя на мысли, что влюбляется. Он не пытался затащить ее в постель, не говорил пошлостей, был внимателен и нежен. Редкое сочетание для современного мужчины.

После третьего свидания он, как и в прошлые разы, довез ее до подъезда. Вика замешкалась. Открывать дверцу машины не хотелось. Вечер был слишком хорош, чтобы вот так его заканчивать.

— Может, поднимешься? — выпалила она, краснея. — Кофе там... или чай. А ещё у меня вино пылится в холодильнике, — говорила она быстро, не придавая значение словам.

Вадим посмотрел на нее с легким прищуром, изучающе, но тут же лицо его смягчилось.

— С удовольствием.

В прихожей Вика вдруг почувствовала себя неловко. Старая люстра, доставшаяся от папы, немного мигала — вечно с ней проблемы. Вадим прошел в гостиную, огляделся. Взгляд его скользнул по полке с книгами, задержался на старой фоторамке, где был запечатлен папа с маленькой Викой на фоне моря.

— Твой отец? — спросил он.

— Да. Его нет уже, — коротко ответила Вика, уходя на кухню за бокалами.

Она открыла вино, разлила по бокалам. Вадим взял свой, пригубил.

— Красивая у тебя квартира. Просторная. Наверное, в такой и ремонт делать приятно?

— Да я как-то не решаюсь, — призналась Вика. — Тут всё папиными руками сделано. Даже розетки сам ставил.

Она залпом выпила свой бокал, чтобы унять нервную дрожь. Вадим снова наполнил его. Заиграла тихая музыка, они говорили о пустяках, но Вика чувствовала: что-то не так. Голова стала тяжелой, словно ее накрыли ватным одеялом.

— Что-то мне... нехорошо, — прошептала она, пытаясь встать с дивана.

Ноги подкосились. Она покачнулась и начала падать, но Вадим ловко подхватил ее на руки.

— Тихе-тише, — его голос звучал глухо, как из-под воды. — Сейчас я тебя уложу. Плохое вино попало, бывает.

Он отнес ее в спальню и аккуратно положил на кровать. Вика чувствовала прикосновение прохладных простыней, но тело стало чужим, непослушным. Веки налились свинцом. Она хотела сказать «спасибо», но язык не шевелился. Хотела улыбнуться, но губы не слушались.

И тут началось то, от чего сердце ее пропустило удар.

Вадим не наклонился к ней, не поцеловал, не укрыл одеялом. Он выпрямился, одернул свитер и быстрым, деловым шагом направился в гостиную. Вика слышала, как открываются ящики комода, как что-то падает на пол.

Сквозь мутную пелену она увидела, как он вернулся. В руках у него была папина старая медаль «За отвагу», золотые сережки, которые отец дарил ей на совершеннолетие, и конверт с наличными, которые она откладывала на летний отпуск.

«Что... что происходит?» — мысль билась в голове, но тело оставалось парализованным.

Вадим подошел к ней, взял ее руку. Его пальцы были холодными и сухими. Он приложил ее палец к экрану её же телефона — тот послушно разблокировался. Вика видела, как мелькают цифры, как открывается банковское приложение. Перевод. Еще перевод. Все деньги, до копейки, ушли на неизвестный счет.

Закончив, он повернулся к ней. Теперь в его взгляде не осталось и следа от того обаятельного джентльмена. Глаза были пустыми и холодными, как у рыбы.

— Ты скоро уснешь, — сказал он спокойно, будто обсуждал погоду. — А завтра будешь думать, что просто перебрала и ничего не вспомнишь.

Он присел на край кровати и вдруг нежно, почти ласково, коснулся ее щеки. От этого прикосновения по коже побежали мурашки ужаса.

— А знаешь, — задумчиво протянул он. — Ты мне правда понравилась. Жаль портить вечер, но раз уж я здесь, пожалуй, возьму еще кое-что. То, для чего ты меня, собственно, и пригласила.

Его палец скользнул по ее губам. Вика хотела закричать, забиться, но не могла даже моргнуть. Слезы бессилия потекли по вискам, впитываясь в подушку.

И вдруг свет в комнате мигнул. Раз. Два. Лампочка под потолком затрещала и погасла. С гостиной донесся оглушительный звон — словно упала и разбилась бутылка.

Вадим вздрогнул и вскочил.

— Что за черт? — пробормотал он, доставая телефон и включая фонарик.

Луч света заметался по комнате. Вика слышала звук шагов. Медленных, тяжелых. Кто-то приближался.

Вадим направил фонарик в проем.

В комнату вошел мужчина. Высокий, широкоплечий. Его кожа была неестественно бледной, почти прозрачной, с синеватым отливом. Глаза — темные, печальные и строгие.

Вика смотрела и не верила. Сердце, только что замершее от ужаса, теперь бешено заколотилось, прорываясь сквозь дурман.

Это был он. Ее папа.

Она узнала бы его из тысячи похожих людей. Эту старую клетчатую рубашку, в которой он любил копаться в гараже. И взгляд — тот самый взгляд, которым он смотрел на нее, когда она в детстве приносила двойки. Строгий, но любящий.

Папа стоял в дверях и смотрел на дочь. В его глазах была такая тоска, такая боль, что Вика разрыдалась бы навзрыд, если бы могла.

«Папочка...» — мысль пронзила сознание.

Он перевел взгляд на Вадима. Тот попятился, выставив перед собой телефон, как крест.

— Ты... ты кто? Откуда ты? — заикаясь, прошептал Вадим. — Этого не может быть... Я же закрыл дверь!

Призрак не ответил. Он просто исчез. А через долю секунды материализовался прямо перед Вадимом. Его рука, огромная и полупрозрачная, схватила парня за грудки и оторвала от пола, словно пушинку.

Вадим взлетел в воздух и с глухим стуком врезался спиной в стену. Парень сполз на пол и затих, потеряв сознание.

Папа стоял над ним, глядя сверху вниз, затем медленно повернулся. Он подошел к кровати, присел на край. Вика смотрела на него сквозь пелену слез. Он протянул руку и провел прохладной ладонью по ее животу.

Тепло разлилось по телу. Парализованное тело вновь начало слушаться.

— Папа! — закричала она, рывком садясь на кровати.

Она бросилась к нему, обвила руками его шею. Он был осязаемым. Холодным, словно мрамор, но реальным. Вика чувствовала запах старого одеколона, знакомый с детства.

— Папочка, как мне тебя не хватало... — шептала она, уткнувшись ему в плечо.

Он не сказал ни слова. Только положил свою тяжелую ладонь ей на затылок, прижимая к себе. А потом его не стало. Просто растаял в воздухе, оставив после себя лишь легкий холодок.

Вика сидела на кровати, глотая воздух. Она спустилась на пол, подошла к тумбочке, схватила телефон. Пальцы дрожали, когда она набирала «112».

Она выскочила в коридор и изо всех сил заколотила в дверь соседа, пожилого дяди Коли из пятидесят второй.

— Откройте! Там... вор!

Сосед, мужик крепкий, бывший военный, вышел с монтировкой в руках. Вместе они вернулись в квартиру. Вадим все еще был без сознания, привалившись к стене. Дядя Коля ловко скрутил его старым удлинителем.

Приехала полиция, скорая. Вика осмотрели медики, а Вадима забрали полицейские.

Но через неделю всё закончилось. Ей позвонил следователь и сухо сообщил, что дело закрыто. Вадим... вышел под залог. У него оказались большие связи. Деньги ей, конечно, никто так и не вернул.

Вика чувствовала себя раздавленной.словно предательство Вадима, так больно ударившее, было ничем по сравнению с предательством системы.

Но жизнь продолжалась. Через неделю, в субботу, она зашла в тот самый магазин, где все началось. Нужно было купить хлеба и молока. Автоматически она свернула в отдел с сырами, но тут же отвела взгляд. Слишком больно.

Она стояла у витрины с овощами, когда краем глаза заметила знакомую фигуру.

Вадим.

Он был в том же темно-синем свитере. Он тоже шел за продуктами, но, увидев Вику, замер на месте, словно вкопанный.

Вика смотрела на него. Страха не было. Был только холод и пустота. И какое-то странное любопытство: как он посмел сюда прийти?

Вадим смотрел на нее. Его лицо, обычно такое самоуверенное, исказилось гримасой. Он быстро, судорожно перекрестился, хотя никогда не был замечен в религиозности, развернулся и буквально выбежал из магазина, бросив тележку посреди прохода.

Вика взяла с полки помидор, положила его в пакет и улыбнулась. Впервые за долгое время — легко и спокойно.

— Спасибо, пап, — прошептала она, чувствуя что он рядом.

X

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.